

ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ МАТЕРИАЛОВ)

© 2007 Т.В. Новикова

Московский государственный университет

К сожалению, большинство специалистов, искренне озабоченных идеей внедрения толерантности в жизненную практику, рассматривают общественное мнение как прямолинейную реакцию населения на материалы в СМИ. Отсюда убежденность в том, что если СМИ будут правильно писать о проблемах толерантности, то общественное мнение будет таким, каким оно инициируется автором соответствующей публикации. Думается, что проблема гораздо серьезнее и своими корнями уходит глубоко в историческую почву, определяя болевые точки общества и составляющих его индивидов. Общественное мнение есть отклик масс на эти болевые раздражители.

Иными словами, толерантность следует рассматривать не только как тематику “повестки дня” и не только как социокультурный феномен, актуализируемый современностью, но и как один из базовых принципов журналистской деятельности.

Принципы журналистской деятельности относятся к той области правил и норм, которая определяет ее общий характер. Они строятся на базе знания общих законов данной сферы социальной практики, составляющих ее концептуальную базу. Образно принцип можно представить как единство “ядра” — знания и “оболочки” — метода (греч. *methodos* “путь исследования”)¹.

Принцип в журналистской деятельности играет роль инструмента, используемого в практиках конструирования социальной реальности и, прежде всего, в информационно-коммуникатив-

ных практиках. Вот почему необходимо рассматривать толерантность в качестве принципа, входящего в систему принципов журналистской деятельности.

Таким образом, принцип толерантности журналиста можно сформулировать так: журналист в своей деятельности должен проявлять **терпимое отношение к многообразию моделей социального поведения и развития субъектов общества**. А также он должен быть устойчив к воздействию стрессового фактора, отказаться от профессионального догматизма и нравственной неразборчивости, обладать способностью разрешать деструктивные конфликты в сфере профессиональной деятельности через понимание и восприятие другой точки зрения.

Толерантность журналистики, следовательно, — гарант сохранения как самой общественно-политической и экономической сферы общества, так и субъекта внутри нее.

Вопросы о критериях толерантной и интолерантной информации — одни из принципиальных, порой спорных и не совсем пока понятных как исследователям, так и законодателям, но особенно — пишущим журналистам. Ответы на многочисленные вопросы не в силах в настоящее время дать ни этнопсихологи, ни специалисты других научных направлений. Очевидно, что в данной работе невозможно рассмотреть все аспекты диагностики толерантности в СМИ, но попытаться сделать еще один шаг на пути к их изучению вполне реально.

Без сомнения, самая важная часть диагностики толерантности в СМИ — это подробный анализ информации, которую данный канал распространяет. В научной литературе подробно описаны методы анализа текстовых материалов, используемых в журналистской практике. Тем не менее, даже при значительном числе различных подходов, существует масса трудностей для однозначной оценки информации в прессе. Но поиски продолжаются.

¹ См.: Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учеб. Пособие / Е. П. Прохоров. — М.: Изд-во РИП-холдинг, 2000. — 308 с. — (Практическая журналистика).

В последнее десятилетие большое внимание лингвисты уделяют проблеме речевой агрессии в средствах массовой информации².

Сигналы речевой агрессии в журналистском тексте обычно рассматривают с трех позиций: лингвистического, лингвоидеологического и риторического анализа. Лингвистический анализ включает анализ собственно языковых средств, в первую очередь лексических. В фокусе лингвоидеологического анализа находится проявляющаяся в тексте система ценностей, находящихся свое речевое выражение в идеологемах. Риторический анализ текста сосредоточен на способах внутренней организации текста, например, степени его диалогичности.

На уровне языковых средств выражения маркерами негативного отношения к субъекту чаще всего выступают нарочито грубые, вульгарные, стилистически сниженные слова и выражения, дискредитирующие личность и формирующие восприятие субъекта как подозрительного и нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение или ненависть. Это явление относится к разряду дисфемизации.

Одним из самых заметных лингвистических маркеров, например, этнического различия в текстах, является акцент — повтор фонетических особенностей речи говорящего.

При анализе лексического состава текста для выявления маркеров интолерантности следует учитывать как прямые сигналы речевой агрессии или дисфемизмы, нарушение норм речевого этикета, так и косвенные. Это: передача смысла насмешками, унижения с помощью введения в текст неявных оппозиций (“свои” и “чужие”), ассоциативная связь с отрицательными явлениями и др.

Косвенные значения рассматриваются на основе как лингвистических, так и экстралингвистических данных. Косвенным показателем речевой агрессии могут служить и номинации однородного множества на основе коллективной идентификации (*нерусские*). Подобные слова следует относить к косвенным показателям речевой агрессии, потому что оценочный компонент значения слова отсутствует, коннотативную отри-

цательную оценочность это слово приобрело в социокультурном контексте. Оценочное содержание текстов выявляется на основе экстралингвистических знаний, а не на основе отдельных языковых единиц.

При лингвоидеологическом анализе журналистских текстов обычно исходят из того, что в речевой ткани любого текста отражаются тенденции и закономерности идеологических предпочтений. Методологическим основанием такого анализа является положение Р. Барта об идеологии как вторичной семиотической системе, “вторичном языке”. В качестве идеологема может выступать лексическая, фразеологическая или синтаксическая единица, текст или текстовый фрагмент.

Идеологема, отражающая интолерантную позицию, структурируются общей оппозицией “мы — они”. Такая оппозиция порождает идеологему врага или чужака, это притом, что чужие не всегда становятся врагами. Косвенными сигналами речевой агрессии являются идеологема, формирующие образ чужаков. Основными маркерами чуждости является непохожесть. Идеологема чужого содержит семантику насмешки, снисходительного отношения.

Лингвоидеологический анализ текста позволяет выявить идеологема, способствующие распространению экстремистских, этно- и эгоцентрических идей в обществе, несовместимых с формированием толерантных установок сознания.

Третьим видом анализа из рассматриваемых трех позиций выявления маркеров интолерантности является риторический анализ текста. Как уже было отмечено, категория диалога является ведущей категорией в анализе толерантных отношений. Внутренняя диалогичность — это выражение во внешне монологическом тексте взаимодействия разных идеологических, мировоззренческих позиций в отличие, например, от собственно диалогического газетного жанра — интервью.

Интересными и полезными, на наш взгляд, методологическими подходами и принципами при оценке публикаций газет на основе понятия “Язык вражды в прессе”³. Следует согласиться с

² См., например, Кокорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е. В. Кокорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996. — С. 409–426; Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. — Екатеринбург, 1997. — 117 с.; Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. — Красноярск-Ачинск, 1997. — Вып. 2. Конкретно же формы интолерантности обобщены и описаны, например, в совместной работе: Солдатова Г. Комплекс превосходства и формы интолерантности / Г. Солдатова, Л. Шайгерова // Век толерантности. — 2001. - № 2. — С. 2–10.

³ См.: Диагностика толерантности в средствах массовой информации // Под ред. В. К. Мальковой. — М.: ИЭА РАН, 2002. — С. 298–316.

автором подобного рода подходов, что невозможно создать идеальный, то есть точный, устойчивый, надежный и объективный инструментарий для оценки неоднозначной информации. Поэтому любые оценки не могут быть “точными и однозначными” и в любом случае будут нести долю субъективности, зависящей от времени и вновь открывшихся обстоятельств. При такой трактовке журналистских материалов вероятнее всего будет подход, основанный на методе этико-субъективной оценки социальных явлений, предложенный еще в XIX в. выдающимся социальным мыслителем П. Л. Лавровым.

Понятие субъективности относится к личности, которая развивает в себе понимание собственных интересов как интересов общественных. Субъективизм, по П. Лаврову, ничего общего не имеет с “голым” субъективизмом, односторонностью или произволом. Поэтому при оценке любого текста и преобладании общественно здравого смысла необходимо в качестве основных критериев применять не только юридические нормы, но и этические принципы, традиции и нормы, принимаемые общественной моралью российского общества в целом и этическими нормами журналистского корпуса в частности.

Тем не менее, метод использует и некоторые ранее применяемые методики, позволяющие рассматривать структуру представленных публикаций и выделять толерантные и интолерантные элементы на разных уровнях “языка вражды”. Точного определения “языка вражды” на сегодня, как отмечают специалисты, нет. Например, в информационно-аналитическом центре “Сова”, основанном в 2002 г. группой сотрудников информационно-исследовательского центра “Панорама” и московской и хельсинской группой, под “языком вражды” понимают любые некорректные высказывания в адрес этнических или профессиональных групп. Для определения “языка вражды” в центре введено 26 критериев. Среди них можно встретить такие, как прямые призывы к насилию; создание негативного образа; оправдание исторических случаев насилия и дискриминация (выражения типа “после всего, что “они” творили, естественно, что...”). Это могут быть также публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации, встречающиеся в текстах утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой. Это могут быть также оценочные суждения о криминальности той или иной этнической или религиоз-

ной группы и др. Таких маркеров может быть очень много⁴.

Важно заметить, что, несмотря на все увеличивающуюся базу различных примеров и маркеров интолерантности, при анализе текстов возникают значительные трудности в измерении степени, уровня накала “негатива”, представляемого в текстах в виде структурных элементов, передаваемых в разных формах: неприятие, антагонизм, ненависть, противостояние. В этом смысле значительную помощь должны оказать специфические психологические исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что оценку текстов целесообразно осуществлять следующим образом: рассмотреть структурные элементы текста, в частности излагаемые автором факты, идеи, лексемы, образы и т. д.; раскрыть видимые и скрытые предполагаемые намерения автора; спрогнозировать возможный общественный эффект данной публикации в данной социальной среде; оценить по здравому смыслу.

Опыт изучения различной информации в отечественной прессе показывает, что интолерантность может передаваться в массовое сознание через следующие структурные элементы текста: специально отобранные факты социальной действительности; через стереотипы; с помощью различных идей или идеологем; через мифы; с помощью лексем; через иллюстрации с интолерантной окраской.

С учетом данных методик был проведен кросс-аналитический обзор центральной и региональной прессы за 2001–2006 гг. выборочно. Следует отметить, что случайная выборка при пилотажном исследовании без учета статистических характеристик не преследовала ее репрезентативности.

Выборка содержала 478 номеров газет 19 наименований. Целью анализа данных публикаций было показать действенность отдельных положений рассмотренных методик и подходов (речевой агрессии, “языка вражды” и структурного анализа ключевых информационных элементов текста), а также продемонстрировать, насколько сложной и неоднозначной может быть диагностика толерантности в СМИ.

⁴ В настоящее время в институте этнологии и антропологии РАН в рамках проекта Федеральной программы “Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе” разрабатывается методический инструментарий, содержащий более 400 различных показателей, с помощью которых будет сделана попытка создания более объективной диагностики, прежде всего “этнической информации” российской прессы.

Сегодняшняя пресса предлагает достаточное количество текстов, которые по праву можно отнести к категории интолерантных на основе той или иной методики или вариантов диагностики. Вот несколько из многих рассмотренных примеров, поместившихся в поле настоящей статьи.

Так, на уровне языковых средств выражения, маркирующих негативное отношение к объектам и субъектам, рассмотрим явление дисфемизации. Нарочитое употребление грубых, стилистически сниженных слов и выражений встречается довольно часто практически во всех случайно отобранных газетах, равно как и в анализируемых в них текстах.

Самым ярким примером дисфемизов стали оскорбительные характеристики граждан СНГ. В тексте “Нашествие рабов от Афгана до Урала” автор пишет: “*Психология извечного раба делает их ценнейшим средством производства. Пятидневное путешествие от Таджикистана в Екатеринбург стоит 80 долларов с носа... Поговаривают, что для “гиббонов” эти “скотовозы” — законная кормушка*” (“МК-Урал”, 1-8 ноября 2001 г.).

На протяжении всего текста журналист называет граждан Таджикистана рабами. Негативная оценка усиливается употреблением сравнения “*средства производства*” с неодушевленным существительным “*скотовозы*”, используемых для “*гиббонов*”. Из контекста неясно, относится ли это слово к самим таджикам или к тем, кто их перевозит. Просторечное название автобуса “*скотовоз*” здесь также выглядит оскорбительным по отношению к пассажирам. В целом метафоры-оскорбления являются показателем инвективной коммуникативной стратегии, которая является недопустимой в публицистическом дискурсе.

Также недопустимым с точки зрения гуманизации общения является выделение в качестве примера *только одной нации*, которая может совершать преступления подобно тем, с которыми столкнулась Франция в ноябре 2005 года. Так, автор комментирует эти события, как пробный “*камень в глобальной европейской интифаде мусульманских пришельцев*”. Он пишет: “*Ведь никто не будет спорить, что в Москве какие-нибудь случайные события, даже на бытовом уровне, приводят к тому, что на улицы выходят азербайджанцы или еще кто-то и начинается нагнетание страстей*” (Иванов Н. Французы теряют Францию / Н. Иванов // Мир новостей. — 2005. - № 46 (620). — 8 ноября).

Стилистически сниженное выражение “*или еще кто-то*” формирует восприятие объекта как нежелательного, подозрительного, вызывающего неприязнь. В данном случае говорится уже о дискредитации целой нации, в данном случае речь идет об азербайджанцах в среде мусульман-

ского мира. Не следует забывать, что именно “*фенотипическое*” определение остается в памяти человека.

Но есть и проблема добросовестности при воспроизведении речевой агрессии, когда журналист попросту не может не передать, например, слова Жириновского или Митрофанова, говорящих об американцах как о “*бешеных собаках*”.

В той же газете опубликована статья А. Бесарабовой “*Убийственное золото Якутии*” (“Мир новостей”, 8 ноября 2005 г.). Автор пишет: “*Третью неделю в якутском поселке Югоренок... голодают жены инвалидов. Участницы бессрочной акции протеста требуют выдать им сертификаты, обещанные властями семь лет назад. Республиканские чиновники отреагировали на бунт в поселке золотодобытчиков на пятые сутки: прилетели в Югоренок, плотно пообедали в тамошней администрации, а перед отъездом наведались к голодающим, чтобы посоветовать им... “помыться и постричься”. — “Осмотрели точно скот, — вспоминает Ольга Щелокова. — Презрительно поморщились. В дверях сказали: “Вы блучие помылись, а ваши инвалиды побрились”. И ушли*”.

В данном случае намеренное употребление грубого сравнения оправдывается позицией журналиста, отразившего факт свершившегося события. Конечно, отражение социальной реальности накладывает определенную ответственность на выводы, к которым вынужден прибегать журналист.

Совсем другой оттенок приобретает комментарий к статье в форме PS, когда вывод делает специалист иной сферы деятельности. “*Улица одной девочки*” — так называется статья специального корреспондента, психолога по образованию Э. Горюхиной (“Новая газета”, 1-3 ноября 2004 г.).

Журналистка задается вопросом: “*Ребенок из Беслана — не пострадавший? Так бывает? Бывает! По дурацкой форме, имеющей быть в Беслане*”. Вырванные из контекста всей статьи фразы: “*Я ничего не буду говорить о власти. Они — г... Это знают все*” или “*Такое детское мышление никогда не будет понятно министерской башкой. Природный замес другой*” — без сомнения, отражают сигналы речевой агрессии. Но только прочитав всю статью, встав на позицию автора и здравого смысла, понимаешь всю глубину психологического состояния и оставшегося в живых одного ребенка, и родителей, потерявших своих детей от бездарно проведенной антитеррористической операции, и отношения власти, “*башка*” которой повернута в другую от народа сторону.

Вообще говоря, примерами дисфемизмов по отношению к власти избобилуют время от време-

ни большинство газетных публикаций, особенно в периоды принятия непопулярных для населения правительственных решений. Например, *“Греф, “любимый министр президента”, в отчетливой манере неврастеника утверждает: хотим мы того или нет, но все равно придется интегрироваться в мировую экономику. Хотя это важно только для самого Грефа, связанного обязательством окончательно угробить Россию”*... Далее: *“В ВТО, куда Греф с Кудриным упорно, как два Сусанина, затягивают страну, и правда, нет жилищных льгот. Зато там высокие зарплаты, пособие по безработице выше средней российской зарплаты...”*.

“Новый кодекс вступает в жизнь уже с 1 марта 2006 года. И понятно, что частных управителей никаких льготников не будет. Как же это соотносить с обещаниями “отца москвичей” Ю. М. Лужкова?” (“Столичный криминал”, вып. 24 (245), 2005 г.).

Здесь элементы речевой агрессии включают либо насмешки типа *“любимый министр”*, либо ироническое определение — *“отец москвичей”*, либо вызывающего неприязнь слово *“неврастеник”*.

Приведенные примеры следует отнести к прямым сигналам речевой агрессии. Косвенным показателем речевой агрессии, как показали наши исследования, могут служить номинации, когда оценочный компонент значения слова отсутствует, но коннотативную отрицательную оценочность они приобрели в современном социокультурном российском контексте. Например, следующий контекст: *“Пенсионерки души не чаяли в участковом-азербайджанце: он хоть и не русский, но очень хороший человек. Вежливый. Спокойный”* (“МК—Урал”, 6–13 июня 2002 г.).

Утверждение *“не русский, но хороший человек”* указывает, что в подтекст припрятаны отрицательные суждения о нерусских.

Особенно часто в публикациях встречается имплицитно речевая агрессия, не содержащая формально выраженных оценочных смыслов. Отрицательные коннотации приобретает сочетание отдельных слов. В криминальной хронике регионального издания читаем: *“В Чкаловском районе выявлен очередной клан цыган-наркоторговцев...”* (“Вечерние ведомости из Екатеринбурга”, 22 марта 2002 г.).

В толковании слова *“клан”* — род, родовая община — нет оценочного компонента. Тем не менее, в соседстве со словом *“наркоторговцы”* выражение *“клан цыган”* приобретает отрицательное звучание. И значимым становится именно то, что цыгане являются наркоторговцами. К тому же определенную смысловую нагрузку при-

обретает прилагательное *“очередной”*, подчеркивающее не единичное явление.

Как следует из исследования газетных текстов, при лингвоидеологическом анализе идеологемы, высвечивающие интолерантную позицию, структурируются общей оппозицией *“мы/они”*. Наиболее частыми сигналами речевой агрессии, выступающими в виде лексических, фразеологических или синтаксических единиц, текстов или фрагментов текстов, является формирование образа врага. И чаще всего в прессе, как правило, в роли врага выступают мигранты или иммигранты. Но обратимся сначала к цифрам, которые открыто публикуются в печати⁵.

Вопрос: *“Какие чувства вы испытываете по отношению к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран, проживающих в вашем городе, районе”*: *“уважение”* — 2 %, *“симпатию”* — 3 %, *“раздражение”* — 20 %, *“неприязнь”* — 21 %, *“страх”* — 6 % и *“никаких особых чувств”* — 50 % (затруднились ответить всего 2 %, что говорит о выраженности в массовом сознании подобных установок). Суммируя, получим, что негативные чувства проявляются у 47 % населения, т. е. на порядок превышает позитивное отношение (5 %)⁶.

Негативные чувства фиксируются и тем самым тиражируются, закрепляются в массовом сознании. В свою очередь, идеологемы врага, манифестирующие интолерантную позицию, содержат смыслы опасности для местного населения. Показателем в этом отношении текст *“Незаконные вытесняют из больницы екатеринбуржцев”* (“Вечерние ведомости из Екатеринбурга”, 23 июля 2002 г.).

Автор пишет: *“Целые потоки (речь идет о мигрантах. — Т. Н.) нуждающихся в медицинском обслуживании, наводняют больницу”*. Далее приводятся слова местных жителей: *“Люди по талончикам и беременные женщины сидят здесь с шести утра, они же лезут без очереди”*. Далее журналист делает обобщение: *“Это нашествие (речь идет о мигрантах-таджиках. — Т. Н.) представляет гигантскую потенциальную опасность для коренных жителей Урала... Беда подкрадывается незаметно — вечные рабы, вывезенные с таджикских гор, терпеливо переносят все сложности жизни на Урале”*.

Данные фрагменты текста показывают, что мигрантам приписывается численное, а следова-

⁵ Социологический опрос, ноябрь 2005 г. Данные Л. Д. Гудкова — отдел социально-политических исследований Левада-Центра (“Независимая газета”, 26 декабря 2005 г.).

⁶ Там же.

тельно, силовое превосходство. Журналистом используется лексика с отрицательным компонентом значения: *вытесняют, заполняют, наводняют, нашествие, засилье*. Образы мигрантов наполняются отрицательными характеристиками с общей семантикой злонамеренности по отношению к местным жителям, представленными в роли жертв: *лезут без очереди, наглеют, портят жизнь*. Это уже не просто чужаки, а враги.

Конфликтологическая модель социальной реальности продолжает оставаться доминирующей в журналистском дискурсе, да и не только в нем. Мир мыслится исключительно как противостояние неких сил. Постулирование этничности как фундаментальной характеристики этого мира, как одним из основных, если не основным, классификационным основанием его неизбежно приводит к “проблемному” восприятию межэтнических отношений.

Приведем почти полностью одну из сводок о происшествии из цитируемой выше газеты: *“Сотрудники Октябрьского РУВД совместно с фондом “Город без наркотиков” выявили цепочку наркоторговцев. Последний ее представитель — В. Айвезян — работал грузчиком на фабрике. Наркотик купил у грузчика русский наркоман Алексей... По словам президента фонда “Город без наркотиков”, все члены банды — не русские и представляют собой канал поступления и распространения зелья из Тюмени и Казахстана”* (“Вечерние ведомости из Екатеринбурга”, 12 марта 2004 г.).

В данном тексте журналист счел необходимым идентифицировать соучастников преступления только по этническому признаку, хотя известно, что это только одна из форм идентичности индивида. Причем интолерантная установка проявляется открыто: *“русский наркоман Алексей”*. Кстати, вообще указание на русскую национальность нетипично России. Выставленная в заметке оппозиция *наркоторговец Айвезян — русский наркоман Алексей* встраивается в сквозную для текстов СМИ оппозицию: нерусские наркоторговцы/русские жертвы. Тем самым закрепляются в массовом сознании эмоции, вызванные присутствием “чужих”.

Еще больший эффект достигается, когда подобное противопоставление исходит из уст политиков или государственных “мужей”. Примечательно в этом отношении высказывания Главы администрации Краснодарского края А. Н. Ткачева 5 сентября 2005 г. на совещании руководителей структурных подразделений милиции.

Он заявил, что недавние взрывы — *“дело рук негодяев, которые пришли извне”*. По его словам, в ряде районов края население буквально стонет от засилья “пришлых”, которые не хотят считать-

ся ни с нашей культурой, ни с обычаями, ни с правами коренных жителей. Все усилия милиции губернатор призвал направить именно на борьбу с незаконными мигрантами. Далее он сообщает: *“Для этих людей Кубань — не родина, а место наживы, реализации своих корыстных планов. Надо лишить их возможности закрепиться в крае. Нынешняя практика, когда сотни тысяч зарубежных “гостей” “гуляют” где им вздумается, а выдворяется всего 26 человек, не дает ожидаемых результатов. Мы должны использовать всю силу закона для выдворения из края незаконных мигрантов”*. Можно констатировать, что для краевого политического дискурса увязка миграции и криминальной деятельности выступает основной чертой публикации. Такую его направленность задает, прежде всего, сам губернатор А. Н. Ткачев, примером типичной позиции которого могут служить следующие слова: *“В край стремятся беженцы со всех уголков бывшей страны. Эти люди в большинстве своем не хотят работать, ведут паразитический образ жизни, занимаются воровством, распространяют наркотические вещества”*.

Как справедливо замечают ученые, “оценка в речи предназначается для воздействия на адресата и имеет целью вызвать определенное психологическое состояние”⁷. Такими заявлениями, тиражируемыми массовыми изданиями, этого удается добиться.

Так, например, в одном из педагогических институтов столицы проводилось анкетирование. У будущих учителей спрашивали, как они относятся к приезжим — носителям иной культуры. Более половины из них высказали резко отрицательное отношение к мигрантам (“АИФ-Москва”, № 46, 2005 г.).

Отрицательное отношение к приезжим в отдельных публикациях перерастает в одобрение физического насилия. Примечательно, что даже убийства не оцениваются негативно, они лишь подаются автором как неэффективные, поскольку не могут существенно повлиять на количество приезжих: *“Время от времени в каком-нибудь сарае, где обитают иностранцы, устраивается варфоломеевская ночь, но рынок рабсилы имеет уже такие обороты, что место выбитого не пустует”* (“МК—Урал”, 4-11 апреля 2002 г.).

Здесь идеологема уничтожения передана фразеологизмом *варфоломеевская ночь*, в которой актуализируется смысл физической расправы. Есть и тексты, где присутствует прямое одоб-

⁷ Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. 16. — С. 129-154.

рение и призыв к насилию: *“Мы уничтожим жидовского Антихриста, когда сатанинский народ сгинет с лица Земли нашей. И это свершится!”* (“Русские ведомости”, № 35, 2000 г.).

Одну из враждебных групп (евреев) газета последовательно представляет читателям как не-исправимого врага “нашей”, “своей” группы (русских), усиленно обижаящих “нас”.

Итак, прямыми сигналами речевой агрессии на уровне идеологического анализа текстов являются идеологемы врага и идеологемы уничтожения. Схема рассуждений в подобных публикациях необычайно проста: избавимся от чужих – исчезнет проблема. Такая позиция чаще всего возникает от неграмотности или пренебрежения журналистами профессиональных принципов поведения, принятыми Международной федерацией журналистов.

В этом смысле практика образования журналистов должна быть направлена на понимание социальных процессов, происходящих в обществе, глубинных представлений о естественности иерархического устройства общества, предполагающего деление на этносы, обладающие неравными социальными и политическими правами. Нетрудно понять, что общим вектором массового общественного мнения (настроения) в данных случаях будут и должны быть требования к властям (а не *избавимся от чужих – исчезнет проблема*) проводить более жесткую политику к мигрантам. Лобовая практика “просвещения темной массы, зараженной предрассудками”, абсолютно неэффективна. Проблема ксенофобии должна формулироваться в журналистских материалах не как задача ликвидации ксенофобских настроений, а как задача их контроля и редукции к каким-то общественно приемлемым и административно регулируемым формам.

Третья позиция, которую предусматривает методика диагностики толерантности журналистских текстов по маркерам речевой агрессии, это риторический анализ. К сожалению, приходится отметить, что в нашей выборке практически не встретились материалы, которые можно было бы соотнести с критерием диалогичности.

Однако толерантность невозможна без диалога, без представления точек зрения всех граждан, особенно участников конфликта. Пресса демонстрирует немногочисленные примеры толерантного разрешения конфликта, когда материалы подаются как реакция-отклик на ранее опубликованный текст в том или ином издании. Внутренняя диалогичность при внешне монологичном тексте здесь проявляется как выражение взаимодействия различных точек зрения, позиций участников конфликта.

Например, поводом для конфликта стала статья “Историческое холуйство” (“Новые Известия”, 17 октября 2005 г.). В ней Владимир Рыжков дал своим коллегам по Государственной Думе весьма нелицеприятную оценку. В частности, парламентариев оскорбил тот факт, что Дума была названа *“холуйской”*. К “делу” был приобщен не только этот материал, но и ряд других, в которых г-н Рыжков позволял себе неэтичные высказывания по отношению к парламенту и депутатам.

В данном случае мы имеем дело с конфликтной ситуацией, в основе которой лежит одно из проявлений интолерантности. Поэтому редакция возвращается к ситуации статьей Н. Красиловой “Неопороченная” (“Новые Известия”, 10 ноября 2005 г.).

В ней представлены точки зрения сторон и, в частности, самого г-на Рыжкова, который сказал: *“...Все время подчеркиваю, что как орган власти он (парламент. – Т. Н.) не сложился. И согласно статье 29 Конституции имею право на выражение собственной позиции. Насколько я понимаю, к этическим действиям можно отнести только три момента – это драка, использование нецензурной брани и личное оскорбление гражданина... Все остальное – это незаконная попытка ограничить мою свободу слова”*.

Конфликт был исчерпан. “Геннадий Райков (председатель комиссии по этике) решил ограничиться “товарищеским” разговором с Владимиром Рыжковым”, – пишет газета.

Очевидно, что в основном к возбуждению национальной, религиозной и иной нетерпимости стремятся издания национал-радикального толка, такие как “Русские ведомости”. Однако предпринятый анализ показал, что все чаще такими публикациями грешат и уважаемые СМИ – не “маргинальные” ни по тиражам, ни по содержанию, ни по влиянию на общество. Как свидетельствуют респонденты, “заказчиком” таких материалов, содержащих “язык вражды”, в основном выступает само общество: дискриминирующие высказывания и уничижительный подтекст чаще содержатся не в прямой речи источников, а в самом редакционном тексте.

В целом же “язык вражды” в СМИ проявляется очень по-разному – от призывов к насилию до обидных определений. “Слова вражды” не обязательно звучат в содержании статьи или передачи: они могут угадываться в тональности, стиле заголовков, подборе фотографий и видеоряда, отсутствии редакционного комментария.

Распознавать типичные языковые конструкции, которые используют для создания иллюзии “истины в последней инстанции”, можно и нужно. Существует несколько рамок восприятия со-

циальной реальности, в которых с необходимостью возникают поляризованные социальные группы, связанные отношениями непримиримой, вечной вражды. Это может быть выражено в более мягкой форме взаимного “непонимания” и “неприятия”.

Стороны противостояния могут описываться этническими категориями (например, “евреи” и “русские”), категориями религии (например, “служители бога” и “служители сатаны”), класса (например, “эксплуатируемые трудящиеся” и “эксплуататоры”), миграционного статуса (например, “местные жители” и “приезжие”) и др.

Вне зависимости от того, какая классификация используется, правилом является то, что одна из сторон (“Мы”) снабжается позитивно оцениваемыми качествами, а другая (“Они”) оценивается негативно, но при этом в ее руках сосредоточена вся полнота власти. Это неравное распределение власти оказывается причиной всех проблем “МЫ-группы” и источником богатства “ОНИ-группы”. Выживание и развитие “МЫ-группы” ассоциируется с освобождением от власти “ОНИ-группы”, и физическое насилие в этой борьбе — необходимое условие победы, т. е. выживания “МЫ-группы”.

Анализ показывает, что в более “аккуратном” или “сдержанном в выражениях” виде многие идеи (имплицитно или эксплицитно) присутствуют в доминирующем дискурсе. Большинство действующих политиков, чиновников и т. д. критикуют поверхностные проявления “расистских” идеологий, но разделяют их глубинные послышки.

В журналистском сообществе до сих пор предпринималось мало попыток всерьез осуждать разжигание национальной, религиозной и иной розни через тексты СМИ. Этические нормы и механизмы саморегулирования СМИ в этой области не разработаны, а ксенофобские материалы и интонации в уважаемых общественно-политических изданиях встречаются теперь не намного реже, чем в маргинальной прессе. Редакторы также часто не распознают “язык вражды” в высказываниях публичных деятелей, официальных лиц или не считают нужным сопроводить эти высказывания комментариями, тем самым как бы и на самом деле присоединяясь к ним.

Большинство журналистов использует “лексику вражды” ненамеренно, без расистского умысла, не имея профессиональных ориентиров, либо не владея специфическими навыками освещения таких деликатных тем, как расовая, этническая и религиозная. Преодоление “языка вражды” ни в коем случае нельзя сводить к штрафным санкциям или ограничению свободы слова, к чему с принятием поправок к Закону “О

СМИ” и без того сделаны серьезные продвижения. Большую роль в отказе от риторики вражды могут сыграть обучающие мероприятия и общественные дискуссии.

Рассмотрим несколько выделенных нами и другими исследователями групп лексем, с помощью которых в печатных текстах передается толерантность и конфликтность, как иллюстрацию применения изложенных выше методик и подходов.

Один из простейших способов внедрения элементов толерантности в массовое сознание — это употребление толерантных слов и выражений, таких как *гуманизм, взаимопонимание, уважение, милосердие, великодушие, дружба народов, взаимопомощь, сотрудничество и т. п.* Разумеется, если эти слова переданы в позитивном контексте. Однако, как отмечают и другие исследователи, в современных российских газетах крайне редко встречается употребление подобных слов и выражений⁸.

Гораздо чаще встречаются лексемы, обозначающие отклонения от социальных норм и норм межэтнических отношений: *экстремизм, конфессиональная вражда, ксенофобия, национализм, шовинизм, бандитизм, пьяные разборки, разбойные нападения, антисемитизм и др.*

Подобные термины чаще употребляются в прессе в осуждающем эти явления контексте, что является хорошим признаком журналистской практики. Тем не менее следует заметить, что такое интенсивное, что отмечается в большинстве социологических исследований, употребление в СМИ подобной лексики само по себе негативно сказывается на общественном настроении, возбуждая и нервирова население. “Конфликтотенные” лексемы — *агрессия, бандитские разборки, ссоры, криминал, нападение и др.* — нагнетают у читателя и зрителя тревожность и обеспокоенность.

Наибольшую группу лексем по результатам выборки составили лексемы-обвинения: *грузинские боевики, китайское нашествие, мусульманские экстремисты, бандиты, цыганские наркоторговцы, исламские фанатики, рабы, пришлые и т. д.* Иногда подобные лексемы встречаются и в дру-

⁸ Так, например, В. К. Малькова отмечает, что сплошной анализ всех публикаций московских газет за октябрь 2001 и февраль 2002 гг. показал: в этнически окрашенной информации лишь от 2-х до 4-х случаев употребления в каждом издании в месяц данных лексем, связанных с толерантными взаимоотношениями людей. См.: Диагностика толерантности в средствах массовой информации // Под ред. В. К. Мальковой. — М.: ИЭА РАН, 2002. — С. 116.

гих формах, основу которых составляют идеи противопоставления так называемого коренного населения и мигрантов, представляющих определенные этнические группы. *“Почему коренное население должно страдать из-за пришельцев, которых никто не приглашал на Кубань?”* (“Кубань сегодня”, 7 октября 2004 г.), или автор публикации (“Кубань сегодня”, 6 сентября 2004 г.) ставит в упрек казакам слабую активность в этом направлении, рисуя следующим образом складывающуюся ситуацию: *“Сколько слез проливается россиянами, лишенными родного гражданства (по воле верховных игроков судьбами людей) и вынужденных подолгу простаивать в очередях у окошек ОВИРов. Тогда как представители различных “смуглых” национальностей проворно устриваются у нас и чувствуют себя хозяевами на Вишняковском и других рынках края”*. Можно легко себе представить, какие инициативы ожидаются от казаков в данной ситуации.

Таким образом, если диагностировать толерантность газетной информации по методу анализа лексем, как и другими рассмотренными нами методами, выводы получаются неутешительными.

К таким же выводам приходят и другие исследователи. Они отмечают, что “одним-двумя словами (порой очень яркими и остроумными) автор публикации может привлечь внимание

читателя к этническим проблемам... публично посмеяться над этническими особенностями человека или его группы, приписать ему или целому этносу позитивные или негативные качества, обвинить в реальных или выдуманных поступках. И порой даже не заметить этого!”⁹.

И каждый раз встает вопрос: можно ли и как остановить подобную практику в отечественной журналистике? Есть несколько путей решения этой проблемы, которые по-разному формулируются исследователями – от запрета интолерантных высказываний в СМИ до контроля и редукации к каким-то общественно приемлемым и административно регулируемым формам.

Второй путь представляется более реалистичным. Тем не менее, основная нагрузка в разрешении данной проблемы должна лечь на плечи самих журналистов. Разрешение данных противоречий востребует особую профессиональную толерантность личности журналиста, основанную на терпимости и способности разрешать конфликтные деструктивные ситуации в профессиональной сфере. Причем журналист может получить данный результат только через понимание и восприятие “другой” точки зрения и отказ от профессионального догматизма. Для этого он как профессионал должен быть способен к саморазвитию и участию в развитии профессиональной коммуникативной культуры.

Рецензент – А. И. Акопов.

Статья принята к печати 06.11.2006.

⁹ Диагностика толерантности в средствах массовой информации // Под ред. В. К. Мальковой. – М.: ИЭА РАН, 2002. – С. 122-123.